

«Взамен олбанскому пришла неграмотность»

Директор института лингвистики РГУ Максим Кронгауз о языковой ситуации и возможностях школы

❖❖ С развитием информационных технологий языковая ситуация в нашем обществе, доселе достаточно стабильная, начала стремительно меняться. В итоге между практикой реального общения и тем языком, которому учат в школе, образовалась если не пропасть, то очень значительная дистанция. На каком языке говорят и пишут наши дети, как трансформировалось понимание грамотности и как школа могла бы реально способствовать формированию полноценной языковой личности? Об этом мы побеседовали с директором института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, доктором филологических наук, профессором Максимом КРОНГАУЗОМ.

— Максим Анисимович, расскажите, пожалуйста, об особенностях языковой ситуации, сложившейся в последние годы. Как она влияет на формирование языковой личности?

— За последние 15–20 лет, с появлением компьютеров, а потом и интернета, ситуация в области коммуникаций радикально изменилась. Современный молодой человек общается и читает в интернете не меньше, чем в офлайне. Это означает очень серьезное увеличение доли письменного общения. В XX веке дети использовали письмо в основном в школе, а сегодня письменное общение едва ли не вытесняет устное. Это влияет на многое и, в частности, на культуру письменной речи. Сегодня пишут все, причем написанное доступно не только адресату, но и многим другим не знакомым автору людям. Притом что общий уровень грамотности не очень высок, в публичном пространстве оказалось множество не вполне грамотных и безграмотных текстов. Возникла альтернатива: не очень грамотные люди либо должны были ограничивать себя в письме, либо не обращать внимание на грамотность. Общество пошло по второму пути — перестало быть стыдно писать неграмотно. Какие следствия всего этого? Отрицательная сторона понятна: культура пала, но очевиден и положительный эффект — люди избавились от комплекса, который мешал им общаться. Сегодня все общаются спонтанно, легко, но неграмотно. Следующее следствие состоит в том, что каждый день дети видят не безупречные, проверенные редактором и корректором тексты, а те тексты, которые создают и правят они сами или не вполне грамотные

взрослые. Исчезает то, что составляло основу грамотности — графический облик слов. Ведь грамотность в большей степени основана на рефлексах, чем на коррекции себя с помощью правил. Соответственно сегодня дети становятся неграмотными просто потому, что они видят очень мало грамотных текстов и, вообще говоря, не вполне могут отличить грамотные тексты от неграмотных. Это главная проблема. С другой стороны, стало понятно, что некоторый уровень грамотности для коммуникации необходим. Это выявилось в связи с модой на искажение грамотности, в период увлечения языком пАдонков. Люди сознательно искажали написание слов и оказалось, что такие тексты довольно трудно читать, поскольку надо разбираться, какое слово имелось в виду. К каким-то словам и словосочетаниям, типа «афтар жжот» привыкли, но все же мода на язык пАдонков прошла. Взамен этому пришла естественная неграмотность.

Потеря языковой интуиции — одна из самых больших потерь за последнее десятилетие.

— А «естественная» неграмотность не мешает общению?

— Не очень. Мешает лишь чрезмерная неграмотность — просто потому, что сложно и многим неприятно читать тексты очень неграмотного человека, допускающего ошибки в

Сегодня все общаются спонтанно, легко, но неграмотно.

каждом слове. Отдельные же ошибки никому не мешают. Больше того, сегодня бывает уже достаточно сложно оценить уровень грамотности собеседника. Когда я вижу в электронном письме ошибку, мне зачастую трудно понять, допущена ли она сознательно, ради игрового эффекта или автор не знает, как пишется это слово. Мне написали недавно: «извЕни». И как я должен отвечать? Если это игра, то я тоже должен пошутить в ответ, если ошибка — вежливо не заметить. Но все это относится, скорее, к взрослым, дети пишут с ошибками без всяких шуток. В итоге в понятии грамотности появился некий допуск — можно быть неграмотным настолько, насколько это не мешает общению.

Сегодня поколение, выросшее на неграмотных текстах, уже приходит в вузы. У этого поколения нет потребности писать по правилам, поскольку грамотность как часть культуры ушла.

А для того чтобы общаться, молодым людям вполне хватает «условной» грамотности.

— То есть можно сказать, что грамотность никак не востребована в обществе?

— Безграмотность вызвала определенное сопротивление внутри общества, возникли сообщества борцов за грамотность разной степени воинственности. Появились граммарици (Grammar Nazi), которые особенно пристально следят за грамматикой и даже перестают общаться с собеседником, если он допускает ошибки. Даже возникли сайты наиболее частых ошибок — например, есть сайт о написании глагольных форм с «тсЯ—тсьЯ». С другой стороны, группы собеседников и сообщества формируются в том числе по уровню образованности. Если вы захотите, скажем, общаться в сообществе философов, от вас потребуется некий уровень грамотности, а если вы ему не соответствуете, то будете в нем маргиналом, вас не будут воспринимать всерьез.

Язык начинает выполнять в нашем обществе ту роль, которую он всегда играет в стабильных обществах, являясь не только средством коммуникации, но и средством установления определенной социальной иерархии. В нестабильных обществах, как было у нас в 90-е годы, грамотность никого не интересовала, политического и финансового успеха можно было достигнуть без какого-либо уровня образованности. По мере стабилизации нашего общества карьера начала связываться и с уровнем грамотности. Человек, который допускает речевые ошибки, начинает чувствовать сопротивление среды. По языку встречают так же, как и по одежке. Соблюдение норм орфографии во многих обществах — социальный фактор, это возвращается и в наше общество. Определенную роль грамотность начинает играть в политическом истеблишменте. Это связано еще и с тем, что раньше неграмотного человека было не опознать, никто не знал, кто как пишет, а сегодня все политики по обязанности ведут блоги, пишут в твиттере. И даже если эти тексты правят редакторы и корректоры, важно то, что любой политик сегодня понимает: тексты, написанные от его имени, должны быть грамотными, а если в них будут грубые ошибки, то его карьера окажется под угрозой.

— Если говорить о молодежной неграмотности, то приходится признать, что школа ни-

как не учитывает новые реалии жизни. А как она могла бы их учитывать?

— Это не простая проблема. Первое, что важно понимать — школа всегда консервативнее общества, потому что она должна передавать традиции и не должна бежать впереди общества и учитывать все новейшие тенденции. Классический пример: нужно ли детям учиться писать или сразу печатать на компьютере? Если мы сразу будем учить детей печатать (а некоторые школы в Америке уже приходят к этому), то потеряем очень важное действие — процесс писания. Но заметьте — школа даже в Америке только сейчас реагирует на появление компьютеров, то есть на то, что произошло несколько десятков лет назад. Консервативность — очень важное свойство школы, она всегда реагирует на развитие общества с запаздыванием. Еще важный момент — даже если школа не будет учить печатать на компьютере, ребенок все равно выучится это делать дома. Это иллюзия, что школа учит нас разговаривать — разговору мы учимся в семье, в общении с друзьями. Самые главные жизненные навыки мы получаем вне школы. Это еще одно соображение в пользу того, почему школа не должна сразу кидаться на все «полезное», а может учить чему-то «вечному». Но, с другой стороны, есть общественная потребность в том, чтобы школа как-то успевала и за жизнью. Это вопрос вкуса, гармонии. Должна ли школа учить языку интернета? Вроде бы нет, все дети учат этот язык просто общаясь в сети, и знают его лучше учителя. Но школа должна учить литературному языку, который ребенок может и не узнать вне школы. Как учитывать новые реалии — сложный, дискуссионный вопрос. Но очевидно, что надо больше читать хороших современных текстов. Второе — школьники должны сами создавать тексты, причем тексты разных жанров. Школа должна учить разным стилям, разным регистрам общения и умению переключаться, находясь в разных ситуациях. Сегодня эта задача совсем не решается. Мне кажется, что одна из самых слабых сторон современных молодых людей — непонимание того, когда какое слово или какой жанр уместен. Потеря языковой интуиции — одна из самых больших потерь за последнее десятилетие. Раньше даже маленький ребенок, возвращаясь из детского сада, точно понимал, какие слова из услышанных там можно проносить дома, а какие нет. Сегодня эти представления очень размыты, но современная

школа, к сожалению, даже не задумывается об этом.

— Какие тексты, на ваш взгляд, были бы уместны в школе как образцы современного русского языка. Можете назвать писателей?

— Обозначу два полюса. Литературная, нормативная речь — это Людмила Улицкая, а эксперименты с языком — это Виктор Пелевин с его парадоксальными, яркими текстами, где сталкиваются разные стили. Литература развивается, и ее язык отражает нашу современную эпоху. Трудно давать рекомендации по включению тех или иных современных писателей в курс литературы, но какие-то фрагменты их текстов, рассказы как образцы современного русского языка вполне могут использоваться. Детям необходимы разные виды языковой работы — рассказ по картинкам, пересказ, изложение, рецензия, и здесь современные тексты очень важны. Ведь если вы пишете изложение по Толстому то делаете скорее перевод.

— Мы думаем словами. В этой связи насколько опасен сленг, используемый в интернете, не отупляет ли он наших детей?

— Нет, я так не думаю. Ведь ребенок четко понимает, что на сленге он общается в интернете, а в иных ситуациях он переключает регистр. Сленг опасен только если он захватывает всю сферу общения — таким детям их язык будет мешать в жизни. Но если ребенок способен к языковому разнообразию, у него все будет в порядке.

— Современные дети читают больше или меньше, чем предыдущие поколения?

— Сегодня все говорят: «читать стали меньше». Это неправда — читать стали меньше романов, книг, но современные дети читают разнообразных текстов гораздо больше. Те дети, которые интересуются различной информацией, чем-то увлечены, читают очень много. Но это чтение совсем иного рода. Так, если речь идет о справочниках и энциклопедиях, дети пользуются Википедией. Она намного интереснее бумажных классических энциклопедий, но гораздо менее достоверна. То есть современные дети читают совсем иначе и иные тексты.

Беседовала Александра Толстихина